

ЛИНГВИСТИКА И ПОЛИТИКА: ПОЛИТИЧЕСКИЕ МОТИВЫ И ЦЕЛЬ «СВОБОДНОЙ ДИСКУССИИ ПО ВОПРОСАМ ЯЗЫКОЗНАНИЯ» 1950 Г.

Алексей Всеволодович Никандров,

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия,
bobbio71@mail.ru

Статья поступила в редакцию 12.01.2023, принята к публикации 07.03.2023

Для цитирования: Никандров А.В. Лингвистика и политика: политические мотивы и цель «свободной дискуссии по вопросам языкознания» 1950 г. // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20. № 1. С. 46–70. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_1_46

Аннотация

В статье анализируется «свободная дискуссия по вопросам языкознания» 1950 г., которая завершилась выходом работ И.В. Сталина, направленных на развенчание «нового учения о языке» Н.Я. Марра. Уже в 1930-е гг. лозунг мировой революции и принцип диктатуры пролетариата, на которые опирался марризм, переставали удовлетворять потребностям советской идеологии и интересам государства. Однако до начала 1950-х гг. политические особенности концепции языка Марра не принимались руководством страны во внимание, и только после осознания опасности идей классовости языка и призывов к «революции в языке» последовала реакция со стороны Сталина. Немаловажным моментом было несоответствие принципов марризма новому направлению советской послевоенной политики, связанному с формированием мировой социалистической системы в виде блока славянских государств, для обоснования консолидации которого стали активно использоваться идеи славянского единства. Особое внимание в статье уделяется раскрытию сущности изменений в марксистской теории, осуществляемых при ин-

© Никандров А.В., 2023

спирации Сталина, главная цель которых состояла в обосновании и установлении в советской общественно-политической мысли нового принципа общенародного государства, которому соответствовал и тезис об общенародном языке. Автор приходит к выводу, что именно эти мотивы определили необходимость проведения лингвистической дискуссии, а работы были написаны Сталиным не только для демонстрации антимарксистского содержания «нового учения о языке», но прежде всего в целях подготовки советского политического дискурса для внедрения принципа общенародного государства.

Ключевые слова:

языкознание, марксизм, «новое учение о языке», марризм, Сталин, «свободная дискуссия по вопросам языкознания», классы, общенародное государство, общенародный язык, славяноцентризм.

UDC 32.001

DOI 10.17506/18179568_2023_20_1_46

LINGUISTICS AND POLITICS: POLITICAL MOTIVES AND PURPOSE OF “FREE DISCUSSION ON PROBLEMS OF LINGUISTICS” OF 1950

Aleksey V. Nikandrov,

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia,
bobbio71@mail.ru

Article received on January 12, 2023, accepted on March 7, 2023

For citation: Nikandrov, A.V. (2023). Linguistics and Politics: Political Motives and Purpose of “Free Discussion on Problems of Linguistics” of 1950. *Discourse-P*, 20(1), 46–70. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_1_46

Abstract

The article analyzes the “free discussion on problems of linguistics” of 1950, which ended with the publications of Joseph Stalin, aimed at debunking the “new doctrine of language” proposed by Nikolai Marr. In the 1930s the slogan of the world revolution and the principle of the dictatorship of the proletariat, which Marrism was based on, already ceased to satisfy the needs of Soviet ideology and the interests of the State. However, until the early 1950s, the USSR leadership did not take into account the political features of Marr’s theory, and only after realizing the destructiveness of ideas about the class

nature of the language and calls for revolutionary changes in the language did a reaction from Stalin follow. An important point was the fact that the principles of Marrism did not correspond to the new direction of Soviet post-war policy, associated with the construction of the world socialist system in the form of a bloc of Slavic states. To justify their consolidation, the ideas of Slavic unity began to be actively used. The author pays special attention to revealing the essence of the changes in the Marxist theory, carried out under the auspices of Stalin. Their main purpose was to establish in Soviet socio-political thought a new principle of the State of the whole people, which also corresponded to the thesis of the language of the whole people. It is concluded that it was these motives that determined the need for linguistic discussion, and Stalin's works were written not only to demonstrate the anti-Marxist content of Marr's "new doctrine of language" but primarily in order to prepare the Soviet political discourse for the implementation of the principle of the State of the whole people.

Keywords:

linguistics, Marxism, "new doctrine of language", Marrism, Stalin, "free discussion on problems of linguistics", classes, State of the whole people, language of the whole people, Slavocentrism.

Введение

«Свободная дискуссия по вопросам языкознания», состоявшаяся весной – летом 1950 г. и завершившаяся выходом работ И. В. Сталина, неизменно привлекала и будет привлекать внимание ученых и широкой общественности своей неожиданностью и загадочностью. Неожиданностью – ибо даже на фоне бурно проходящих научных дискуссий послевоенного времени дискуссия по языкознанию была настоящей феерией, завершившейся эффектным выходом на «сцену» главы Советской сверхдержавы и мирового социалистического блока. Загадочностью – ведь до сих пор до конца неясными остаются мотивы, двигавшие Сталиным и определившие его личное участие в сугубо научной дискуссии, цели, которые были им поставлены, результат, который был достигнут. По всей видимости, вся дискуссия – а это каскад мероприятий разного уровня и плана – была организована и достаточно талантливо устроена лично Сталиным; но неясно, какие причины вынудили вождя Страны Советов не только отслеживать и контролировать ход дискуссии, но и самому писать труды по языкознанию. Чтобы корректно поставить этот вопрос, необходимо, выяснив политические мотивы и содержание лингвистической дискуссии, вскрыть ее политический смысл, т. к. именно императивы политики были в ней определяющими: вся история с «новым учением о языке» Н. Я. Марра и его разгромом показывается, как лингвистика, вопреки своим задачам и существу, прямо сопрягается с политикой, как политика пронизывает лингвистику, преобразуя ее и придавая ей цель и направление, императивы, не имеющие отношения к науке, а то и чуждые ей.

Очевидно, что работы Сталина содержали политические смыслы и послания, выходящие далеко за пределы не только лингвистики, но и гуманитарной

науки в целом, что, по словам В. В. Трушкова, «Марксизм и вопросы языкознания» – это работа, которая посвящена актуальным для середины XX столетия проблемам марксистско-ленинской теории, злободневным прежде всего для социалистического строительства СССР» (Трушков, 2011, с. 45). Что именно хотел сказать Сталин своими работами по языкознанию, какие идеи провести, какие новые установки внедрить в советский политический дискурс? Поиску ответов на эти вопросы посвящено настоящее исследование.

Дискуссии по языкознанию и политической экономии

В идейной жизни СССР 1944–1953 гг. получили большой размах и стали играть определяющую роль две формы воздействия на культуру, науку и общественное мнение. С одной стороны, это специальные «культурные кампании», проводимые широко и транслируемые на все общество (например, борьба с «низкопоклонством» и затем с «космополитизмом»), с другой – по виду сугубо научные дискуссии в разных отраслях науки – история (1944), философия (1947), биология (1948), языкознание (1950), политэкономия (1951) и пр. Первые обычно называют идеологическими или политическими (иногда культурными) кампаниями. Вторые в литературе называются научными (иногда научно-идеологическими) или творческими дискуссиями. Первые были более интенсивными, громкими. Вторые – относительно сдержанными (за исключением, безусловно, биологической дискуссии). Но по силе влияния на советское общество и культуру они были приблизительно одинаковы, при том что влияние вторых по времени простиралось намного дальше. Влияние же дискуссии по языкознанию представляет собой уникальный случай в ряду всех кампаний и дискуссий.

Смысл идеологических операций первого рода, которые можно связать в одну «мегакампанию», раскрывается без труда: утверждение советского патриотизма и усиление антибуржуазной риторики в советской культуре. Целью «мегакампании» было установление новой общесоветской биполярной картины мира, базирующейся на принятии принципа противостояния, говоря словами тех лет, лагеря антидемократического и империалистического во главе с США и лагеря демократического и антиимпериалистического во главе с СССР. Такое биполярное мировидение логично вытекало из геополитических реалий второй половины XX в., складывающихся после окончания Второй мировой войны. Общий смысл научных дискуссий можно определить примерно в том же ключе патриотизма и антикапитализма (антиамериканизма), в каком проходили и кампании, однако конкретная политическая направленность каждой отдельной дискуссии зачастую ускользает от исследователя. Их цель состояла в проведении в науке, и тем самым в утверждении в культуре, государствоцентризма, глорификации Советского государства как цивилизационного лидера мира и социализма как новой общественно-политической системы, распространяющей свое влияние на весь мир.

Цель работы требует хотя бы в общих чертах провести сравнение языковедческой дискуссии 1950 г. с дискуссией по политэкономии 1951 г. Что у них общего? Главное – личное руководство и участие Сталина: кульминациями и той и другой стало вмешательство (не имеет значения, инсценированное или

импульсивное, каковым оно представлялось) вождя, выход результирующих сборников его работ, составленных как серии статей по ходу каждой дискуссии: «Марксизм и вопросы языкознания» и «Экономические проблемы социализма в СССР» соответственно. Последний раз вождь делал важные теоретические обобщения в отчетном докладе на XVIII съезде ВКП(б) в 1939 г. Совершенно ясно, что тематика и проблемы, поднятые в двух дискуссиях, представлялись Сталину кардинально важными, раз уж он взялся за перо и предложил решение поставленных проблем (не говоря об организационных моментах его деятельности в ходе дискуссий).

После выхода сталинских работ в языкознании и политэкономии устанавливалась спокойная атмосфера, ученые настраивались на работу согласно указанным нововведенным принципам и в «правильном» направлении. Именно личное участие Сталина задает вектор на снижение идеологической напряженности в общественных науках, на некоторое снижение идеологического давления на эти науки. Разбирая работы Сталина по языкознанию и политэкономии, нельзя не обратить внимание на сдержанность тона главного дискуссанта, на его почти аристотелевское спокойствие при разборе проблем, которые были предметом острых столкновений идеологов, ученых, политиков, на подчеркнуто декларируемое отстранение от позиции высокомерия и «марксистского тщеславия», четко слышимый призыв к такой же сдержанности и спокойствию, обращенный к ученым и идеологам.

Сталинский призыв не остался без ответа: обращает на себя внимание относительная корректность участников дискуссии, спокойный ход мероприятий, результативность итогов. В самом принципе подборки материалов дискуссии по языкознанию, когда оппоненты получали равные возможности высказаться, и «сверху» до определенного момента не поступало никаких знаков той или иной стороне, заключался конкретный посыл – все мнения будут заслушаны. Конечно, при личном участии Сталина было бы нелепым сохранение «классического» стиля выступлений сталинских идеологов (А. А. Жданова, Г. Ф. Александрова, начинающих М. А. Сулова, Д. Т. Шепилова, Ю. А. Жданова и др.) с призывами к разгромам, разоблачениям, «срыванию масок» и зачастую печальными итогами для ученых. В этом плане удивляет тот факт, что дискуссии по гуманитарным наукам, носящим по определению идеологический характер, характеризовались в целом меньшей степенью идеологической напряженности и даже выраженности риторики, чем по остальным (особенно по биологии, печально знаменитой не только ожесточенностью риторики, но и трагическими последствиями для многих ученых).

Сталин вводил в практику иной стиль научных дискуссий – деловой, выдержанный в конструктивном ключе, без истерии и экзальтации. Был предложен и новый способ преодоления групповых разногласий в среде ученых: вместо «обычных» методов, сводившихся к взаимным обвинениям в разного рода «уклонах» и следовавших за этим «оргвыводов», вводились методы научной полемики, взаимной критики. И уже на этой основе устанавливался «оперативный консенсус» в данной сфере науки, основанный на общих правилах, нормативной системе взаимодействия науки и власти, в которой инициатива исходила от власти, задающей вектор, контуры намеченного курса, «путеводную звезду», устанавливающей пределы действия идеоло-

гии в науке. Принцип консенсуса ученого и власти примечательно выражен в словах лингвиста Т.П. Ломтева, адресованных коллеге С.Б. Бернштейну: «Я всегда стою на позиции партии. До выступления тов. Сталина позиция партии в языкознании состояла в признании «нового учения о языке». Теперь начинается новый этап, этап сталинский. Я вместе с партией перехожу на этот новый этап» (Бернштейн, 2002, с. 151). Или же в словах А.Ф. Лосева: «Все за Марра – и я за Марра. А потом осуждал марризм, а то не останешься профессором» (Бибихин, 2006, с. 173).

Следует подчеркнуть, что советская общественно-политическая наука в те годы, да и позже, вплоть до ухода СССР в историю, не могла развиваться без инициативы действующего руководителя, который лично задавал ей вектор и темп. В.В. Виноградов в одной из многочисленных постдискуссионных статей подвергает учение Марра критике, разбирает ее нюансы, – но при всем этом признает, что «если бы не появились гениальные работы И.В. Сталина, сама по себе дискуссия многого не решила бы» (Виноградов, 1950, с. 17). Т.П. Ломтев вспоминает: «Многие языковеды, в том числе и я, чувствовали, что язык не является надстройкой над базисом, но никто прямо и четко не высказал этого» (Илизаров, 2012, с. 300). А.С. Чикобава, задаваясь вопросом, является ли язык классовым в классовом обществе, утверждает: «Ответ товарища Сталина гласит: нет, не является» (Чикобава, 1950, с. 41). Лингвист вспоминает, что когда его вызвали в Москву для участия в возможной предстоящей дискуссии, была обронена интересная фраза: «Вопросы языкознания будут там обсуждаться с секретарями ЦК, и Вам следует подготовиться» (Чикобава, 2001, с. 510). Иными словами, вопрос о соответствии того или иного положения марксизму без «секретарей ЦК» решен быть не может. Поэтому, когда говорится о марксизме в какой-либо сфере, о «марксизации» такой-то науки, то надо помнить, что дело состоит вовсе не в марксизме, а в «линии ЦК». Это удачно схватывается А.Ф. Лосевым: «Даже марксизм, если его брать как теорию, вовсе не есть наше учение, и никому он не поможет. Меньшевики ведь тоже марксисты. <...> Мы руководствуемся не теорией, хотя бы трижды марксистской, и не практикой, хотя бы трижды революционной. Мы руководствуемся тем конкретнейшим преломлением и объединением того и другого, и притом объединением в данный момент, в настоящую минуту, которое именуется ВКП(б) и реально функционирует через ее ЦК. Никакой логикой, никакими чисто жизненными наблюдениями вы за этим не угонитесь; и ни в какие логические формы вы этого не вложите» (Лосев, 2002, с. 358).

Установление государствоцентризма в науке означало, что принцип классовости общественных наук ставился под сомнение (или, во всяком случае, признавалась необходимость его корректировки). Партийность постепенно начинает пониматься как соответствие интересам государства. Панклассовая, «панреволюционная» леворадикальная трактовка партийности дезавуируется. Видимо именно поэтому первой дискуссией с участием Сталина была дискуссия по языкознанию, «партийность» которого, в отличие от политэкономии, не была бесспорной (конечно, не для сторонников Марра), хотя риторически поддерживалась многими лингвистами.

Отличие дискуссий по языкознанию и политэкономии бросается в глаза: политэкономия была сферой высшей идеологической значимости и высокого

дискуссионного напряжения, так что участие Сталина в этих спорах было необходимо и ожидаемо. Речь шла о создании относительно непротиворечивой теории социализма, которой в разработанном виде на тот момент еще не было; или, можно сказать иначе, об апологии социализма, построенного в СССР, в терминах марксизма (вспомним, что в 1936 г. было объявлено об осуществлении в основном первой фазы коммунизма – социализма). В области политэкономии необходимо было создать канонический текст, чем Сталин серьезно озаботился как раз в 1936 г. После войны, с созданием основ мирового социализма, необходимость в «каноне социализма» неизмеримо возрастает. Эта проблема разрешится с выходом учебника «Политическая экономия», создаваемого под контролем и при участии Сталина (он и редактор, и соавтор), но вышедшего после его смерти, в 1954 г. Этот учебник предстал как настоящая энциклопедия советского «государственного марксизма», концентрированное выражение сталинского понимания природы социализма и его геополитического замысла относительно Советского государства, став на долгое время каноном теории социализма. Сложно представить, что кто-либо иной, кроме Сталина, мог установить принципы теории социализма, ответить на насущные вопросы, разрешить сомнения ученых и идеологов (к примеру, о статусе политэкономии социализма, о товарно-денежных отношениях при социализме). Вмешательство же Сталина в дискуссию по языкознанию было совершенно неожиданным для всех – и для самих участников, и для народа, который был охвачен жаром этой таинственной полемики, несмотря на ее совершенную непонятность для большинства советских людей, как по содержанию, так и вообще по смыслу самого факта ее проведения.

Работы Сталина по языкознанию устанавливают определенное единомыслие, нормативную систему не в самом языкознании (хотя отчасти можно констатировать и это), но в советской идеологии в целом. И это видно хотя бы из следующего: и по размаху, и по впечатлению, произведенному на советское общество и общественное мнение, лингвистическая дискуссия превосходила политэкономическую, которая практически не затронула народного сознания и не взволновала его (при том что содержательно политэкономия была несравненно понятнее языкознания). Едва ли в истории СССР можно отыскать подобные примеры того, как перипетии науки, о которой до 1950 г. большинство советских граждан мало что знало, приковывали внимание обычных людей, не говоря уже о людях науки. С. Б. Бернштейн пишет: «Шум от статей Сталина по вопросам языкознания велик. Шумят не только лингвисты, но и археологи, этнографы, историки и даже философы. Интерес к языкознанию огромный. Думаю, что за всю историю языкознания в нашей стране не было такого лингвистического бума» (Бернштейн, 2002, с. 153). Отдельным интересным фактом было влияние первой дискуссии на вторую: участники политэкономической дискуссии постоянно обращались к сталинской работе, а авторский коллектив учебника третировался за недостаточное внимание к ней. Это не просто ритуальные фразы: труды Сталина по языкознанию определяли приоритеты не только (и, может быть, не столько) языкознания, но и всей советской общественной науки и идеологии.

Итак, дискуссия по политэкономии представляется более значимой для советской идеологии. Тем не менее дискуссия по лингвистике несла в себе утверждения, которые, как будет показано далее, обладали более сильной

значимостью. И это неудивительно. Как отмечает Ю.В. Емельянов, «если предыдущие кампании имели целью разгром немарксистских и непатриотических направлений в культуре и науке, то в данном случае Сталин атаковал учение, которое до его выступления считалось революционным, марксистским направлением отечественного происхождения и претендовало на практическую связь с общественным производством и классовый борьбой» (Емельянов, 2003, с. 432). В этой связи рассмотрим, что представляет собой марризм как идеология в лингвистике, в чем состоит его политический смысл.

Политические нюансы и коллизии «нового учения о языке»

«Чтение работ Марра, – утверждает О.А. Волошина, – вызывает двойственное впечатление: удивляет грандиозность поставленных задач и незначительность (зачастую полное отсутствие) доказательств, тех фактов, на которых базируются утверждения и целые гипотезы. Непонятно, как можно было верить его словам, но и не поверить, кажется, было невозможно, так как масштабность заявленной цели поражает воображение, завораживает» (Волошина, 2017, с. 30). Принято считать, что «новое учение о языке» Н.Я. Марра, полагавшееся создателем и его последователями «марксизмом в языкознании», т.е. суммой теорий и концепций, разработанных на основе марксизма, соответствующих ему и потому должных стать нормативной основой и руководящей методологией советской лингвистики, и в самом деле принималось большинством советских лингвистов именно как марксизм в языкознании. Однако это не так. Во-первых, какого-то более или менее стройного, сбалансированного учения Марр разработать не смог. Да это и не было возможно, учитывая смысл его основных идей, точнее, исполненных революционного пафоса, но не очень связанных между собой и недоказуемых гипотез. Во-вторых, вести речь о «диктате» учения Марра в лингвистике не представляется возможным: можно признать разве что подобие равновесия сил сторонников «великого яфетида» и антимарристов, равновесия шаткого и постоянно нарушаемого. При этом из тех, кто принимал марризм, очень многие полагали такое «принятие» не более чем условностью. Тем не менее за счет напористости основателя и адептов, а также мощной наступательной риторики, марризм, не будучи «мейнстримом», был самым влиятельным течением в советской лингвистике.

«Ситуацию в советской лингвистике 1930–1940-х гг. сложно назвать спокойной, ведь марристы, особенно при жизни Н.Я. Марра, отнюдь не были склонны к дискуссионным методам пропаганды своего учения; да и непросто было это провести с помощью стандартных методов, не прибегая к «крику и шуму, треску и барабанам» (Бернштейн, 2002, с. 147). Более того, там, где их позиции были сильны (прежде всего в Ленинграде), они становились «агрессивной сектой», зачастую прибегавшей к методам расправы с оппонентами, так что «аракчеевский режим» был печальной реальностью. Что касается агрессивности, тут нет преувеличений. Так, один из адептов марризма, В.Б. Аптекарь, по воспоминаниям антимарриста П.С. Кузнецова, отнюдь не в порядке шутки пригрозил противникам Марра: «А кто подымет голову – по голове палкой!» (Кузнецов, 2003, с. 188). Лингвист Г.А. Ильинский писал в 1929 г.: «Я не вижу никакого торжества яфетической теории. Напротив, тот

факт, что ее приходится вколачивать палкой и путем какого-то своеобразного террора, показывает, что дела ее плохи. Истина не нуждается для своего распространения в такого рода позорных средствах» (Робинсон, 2004, с. 159). Но годом ранее он предупреждал, что марристское учение станет «общеобязательной для всех лингвистов «православной системой языкознания», и горе тем, которые позволяют назвать эту «теорию» ее настоящим именем» (с. 154). Ученый не ошибся. Вести отсчет взлета влияния «нового учения о языке» можно начиная с 1930 г., когда сам Н. Я. Марр выступил с трибуны XVI съезда ВКП(б), после чего «марристы имели все основания считать, что их учение получило высочайшую поддержку...» (Алпатов, 2018, с. 94). «Яфетидология в качестве общей теории языка, – будет говорить А. М. Деборин, ставший вскоре одним из активных пропагандистов марризма, – есть новая наука, новая научная дисциплина, построенная в основном на принципах марксизма-ленинизма» (Деборин, 1935, с. 3).

В. М. Алпатов называет марксизм, адаптированный под нужды политической борьбы и пропаганды, марксизмом II, в отличие от собственно учения К. Маркса и Ф. Энгельса, марксизма I (Алпатов, 2018, с. 247), которое именуется, как правило, историческим (аутентичным, изначальным и т. п.) марксизмом. Можно говорить о ленинском, сталинском марксизме II и так вплоть до последних дней Советского Союза (брежневский, горбачевский марксизм II). Марксизм II ближе к идеологии (и в силу этого к пропаганде), если не тождествен ей; марксизм I ближе к политической теории, социальной науке. В исследовательской литературе, равно как и в публицистике, в применении к сталинской интерпретации марксизма часто говорят о «деформации», «искажении», «упрощении», «схоластизации» марксизма, что во многом справедливо. Однако при этом исследователи, хотя и ставят вопрос о целях и задачах такого рода операций с марксизмом I, предпочитают не концентрироваться на этой проблеме. Анализ истории с разгромом учения Марра дает немало материала для размышления над тем, как и для чего Сталин преобразовывал исторический марксизм, превращая его идеи в ряд связанных между собою концепций относительно сущности и устройства социалистического государства вообще и Советского государства в частности.

В настоящей работе речь идет исключительно о сталинском марксизме II, и как раз 1930-й стал последним годом, когда идеи мировой революции, мирового пролетарского государства (а именно они стали основой разработок Марра) еще имели ту силу, которой обладали в 1920-е гг. Начинался поворот советской идеологии к идеям государствоцентризма или, как часто определяют, «национал-большевизма», которые уже к 1936 г. оттеснили «мировой революционаризм» на периферию советского политического дискурса. А вскоре многие адепты неправильно понимаемого пролетарского интернационализма (правила понимания которого тоже, естественно, изменились) превратились в начатчиков, талмудистов, а то и в троцкистов. При этом Сталину пришлось достаточно серьезно откорректировать марксизм I в его развитии Лениным и сконструировать на основе всего этого новый, «государственный марксизм».

В свете этих изменений учение Марра постепенно становится политически некорректным, но это не приводит к разгрому марризма в 1930-е гг., подобно тому, как по тем же основаниям была разгромлена школа М. Н. Покровского

в исторической науке (может быть, потому, что в своей сфере «покровщина» была не в пример агрессивнее). Марризм в советском языкознании вплоть до 1950 г. продолжал быть влиятельным направлением, близким к той роли, на которую он претендовал – т. е. быть «марксизмом в языкознании». Хотя марристам и не удавалось подчинить советскую лингвистику так, как на короткое время удалось подчинить историю сторонникам Покровского, это не означало, что они не пытались достичь такой цели. Вдохновленные «успехами» лысенковцев на сессии ВАСХНИЛ 1948 г. и продолжая некоторые «успехи» 1947 г., марристы попытались, используя сходную тактику, перейти в наступление на своих идейных противников. Им было мало, чтобы оппоненты не были борцами против Марра: целью марристов было продемонстрировать советским лингвистам, что «советское языкознание должно возглавляться учением Марра» (Кузнецов, 2003, с. 231). Марризм позиционировался как марксистская философия языкознания: «Мы стоим на той точке зрения, что это учение способно оплодотворить науку о мышлении, стало быть, философию, и поэтому считаем необходимым теснейший союз философии с яфетидологией, как общей теорией языкознания, бросающей ослепительный свет на теорию и историю познания» (Деборин, 1935, с. 8–9).

Наступление марристов обострило ситуацию в языкознании, усилило гонения на тех ученых, которые не принимали всерьез «руководящие мысли Н.Я. Марра». В 1949–1950 гг. марристы не без риска для себя (все-таки космополитичность и антипатриотизм учения Марра были слишком очевидными, как бы ни пытались адепты представить Марра патриотом) подключились к борьбе против космополитизма, обвиняя в нем своих оппонентов. Учение Марра при этом «увязывалось» с советским патриотизмом. Так, в последней апологетической брошюре И.И. Цукермана читаем: «Материалистическое учение Н.Я. Марра органически связано с идеями советского патриотизма. Нельзя понять нового учения о языке, не уяснив образа Н.Я. Марра как советского патриота» (Цукерман, 1950, с. 4).

Порывы и эскапады марристов не привели к серьезным сдвигам в языкознании: их наступательная активность, видимо, приглушалась сверху: зачастую вспышки «праведного гнева» очередного марристского «трибуна» и «разоблачителя» попросту не встречали какой-либо ответной реакции со стороны идеологического руководства (из которого их поддерживал разве что Ю.А. Жданов, другие были относительно нейтральны). П.А. Дружинин пишет: «И что же последовало? Да ничего особенного (конечно, с учетом практики руководства наукой сталинского времени): никакого существенного результата, сопоставимого с разгромом в биологии, эти лингвистические дебаты не достигли...» (Дружинин, 2017, с. 313). При всем этом невозможно отрицать давление на лингвистику со стороны консолидированной группы марристов, которое достигает максимума к 1950 г. По словам М.Ю. Досталь, «к концу 1949 г. культ Марра достиг своего апогея. С начала 1950 г. началось административное преследование тех, кто еще не «покаялся» в отступлении от его «учения» (Досталь, 2009, с. 292). Как и прежде, оппоненты обвинялись в различного рода буржуазных «измах», к ним привешивались политические ярлыки. Таким образом, если судить по риторике, последние годы диктата марризма правомерно будет назвать годами «лингвистического террора».

Что же представляло собой «новое», или «материалистическое учение о языке» Н.Я. Марра, в чем состояла его марксистскость? Выдавая свои гротескные построения за марксизм, ученый не заботился о последовательности и логичности собственной «теории», равно как и о доказательствах ее соответствия марксизму. Впрочем, это было и невозможно ввиду отмеченной уже бессвязности и бессистемности той совокупности гипотез и предположений, которые он пытался против логики обрядить в марксистскую тогу. Учение Марра плохо вписывалось в рамки марксизма, поэтому он скорее подстраивал марксизм под свою «теорию», а «Маркс и Энгельс гримировались под Марра» (Алпатов, 2010, с. 451). Классики марксизма не были ему помехой: «Марр не желал расставаться со своими любимыми идеями даже при их явном расхождении с текстами К. Маркса и Ф. Энгельса. Ничто так не смущало марристов в «новом учении о языке», как положение о классовой роли звуковой речи при ее появлении и о классовой борьбе в первобытном обществе в связи со звуковой революцией. <...> Однако Марр считал, что изменяться должно не его учение, а сам марксизм...» (Алпатов, 2018, с. 69). И все же марровский марксизм не был так уж далек от марксизма I, во всяком случае, он отстоял от него не больше, чем сталинский марксизм II. Более того, некоторые исследователи придерживаются того мнения, что марризм своим интернационалистским пафосом был близок к подлинному марксизму. Ведь если задуматься, идеи о том, что первоначальная функция языка – производственная, что язык изначально был не средством общения, а орудием производства, не столь уж и нелепы, особенно в контексте марксистских школ 1920-х гг., известных своим вульгарным экономизмом и социологизаторством. Об определенной близости «нового учения о языке» к марксизму свидетельствует и тот факт, что А.М. Деборин принял марризм как философию языка; более того, он серьезно развил положения Марра о ручном языке, фактически предложив проработанную концепцию перехода от ручного языка к звуковому (Деборин, 1935, с. 11–30).

Создатель «нового учения о языке» адресовал его прежде всего молодым ученым: именно они могли без особых раздумий принять идеи, которые для лингвистов старшего поколения звучали абсурдно, фантастично, а то и попросту безумно. Так, в марристском документе 1948 г., записке в ЦК, предлагается укрепить руководство языкознания «сторонниками Нового учения о языке, для чего смело выдвигать молодых способных лингвистов, стоящих на позициях марксистско-ленинского языкознания» (Дружинин, 2017, с. 351). Молодым неопитам свойственно зажигаться, бездумно уверовав в некое новое учение, и лучше всего это получается в группе, секте, образовавшейся вокруг «учителя». Именно поэтому ту «группу товарищей», которая как бы обратилась к Сталину, создав формальный повод для дискуссии, он обозначает как происходящую именно «из молодежи».

Классовость языка – исходное положение марризма: «Язык по своему происхождению вообще, а звуковой язык в особой степени, потому и является «мощным рычагом культурного подъема», что он – незаменимое орудие классовой борьбы. Утверждаю с полным осознанием ответственности такого высказывания, расходясь коренным образом со многими моими товарищами, что нет языка, который не был бы классовым, и, следовательно, нет мышления,

которое не было бы классовым» (Марр, 1934, с. 90–91). Равно как и нет общества, которое не было бы классовым: классы присутствуют у Марра во всей прослеживаемой истории, начиная с мифической «звуковой революции» (тезис, прямо обращенный против марксизма I), и советское общество выпадает из этого ряда только в перспективе. Сам марризм позиционировал себя как учение исключительно классовое, как «пролетарская антитеза» буржуазной лингвистике, и к догмату о классовости языка марристы относились серьезно. Так, на прошедшем в Москве в феврале 1950 г. совещании языковедов Н. Ф. Яковлев в числе пунктов «общей платформы» сторонников теории Марра выдвинул требование о безоговорочном признании классового характера языка, что, по его мнению, должно быть обязательным для последователей «нового учения о языке» (Сухотин, 1951, с. 19).

Конечно, Н. Я. Марр не был первым, кто заговорил о классовости языка, как не он был и «первооткрывателем» марксизма в языкознании, но и то и другое связывается с его (причем преимущественно с его) именем по причине яркости и широковежательности постановки ученым этих тезисов. В советской лингвистической (не говоря уже о политической) мысли бытовали не только разные версии марксизма в языкознании – известна, к примеру, концепция В. Н. Волошинова (Алпатов, 2005), но и разные версии классовости языка, обосновываемые с марксистских позиций. Вне связи с «новым учением о языке», но примерно в то же время, если не раньше, принцип классовости языка обосновывался сторонниками группы «Языкофронт», в частности, Г. К. Даниловым. В этих концепциях было немало общего с формирующимся марризмом, в котором языкофронтвцами отвергались самые нелепые (но не для марристов, конечно) идеи. Более того, группа «Языкофронт» вела борьбу против марристов, закончившуюся для языкофронтвцев трагически. До распада «Языкофронта» выражения «марксизм в языкознании» (или «марксистское языкознание») и «учение Марра» отнюдь не были тождественны. «Марристы, – пишет М. Ю. Досталь, – оказались организационно сильнее и постепенно оттеснили и дезавуировали соперников, присвоив себе право именоваться единственно «истинными» и правоверными марксистами в языкознании» (Досталь, 2009, с. 276). В итоге получилось, что, вовсе не открыв Америку в языкознании¹, Марр смог представить такую версию марксизма в языкознании, которая стала единственной политической концепцией, имеющей вес и влияние.

Превращение «яфетической теории» в марксизм – не одномоментный акт, а скорее сложный процесс. Само «новое учение о языке» создавалось не единолично Марром. Участвовал в этом, к примеру, поклонник Марра историк античности С. И. Ковалев, составивший апологетический доклад «Марксизм и яфетическая теория», с которым выступил в Яфетическом институте 28 января 1928 г. и который во многом повлиял на марризм. Марр приводит тезисы Ковалева в своем «Общем курсе учения об языке» (Марр, 1936, с. 111–119). Тезис 38 – марксизм не имеет собственной специально-языковой теории (с. 114) – звучит как постановка задачи создания такой теории. Тезисы представляли собой по видимости апологетику учения Марра, по факту же –

¹ В. Б. Аптекарь утверждал, что, встав на рельсы марксизма, Марр открыл Америку в языкознании.

составленный для Марра катехизис или, скорее, пролегомены «марксизма в языкознании». В самом деле, из того, что известно, непросто представить, что Марр с его, мягко сказать, не слишком обширными познаниями в марксизме принял бы углубленно изучать эту отнюдь не простую теорию и затем единолично создал «марксизм в языкознании». Итак, по сути, речь шла о коллективном создании «нового учения о языке», в котором участвовали многие ученые и идеологи.

Принцип классовости языка и связанное с ним понимание языка как надстроечного явления (при том что даже антимарристы, отвергающие классовость языка, часто принимали тезис о том, что язык принадлежит к надстройке, например, А. С. Чикобава) нельзя рассматривать как нечто наносное, неглубокое, подобно тому, как в свое время говорили о классовости математики. Марризм проговаривал то, что не занимало внимания основателей марксизма: раз язык – это классовый феномен, то с победой пролетариата, захватывающего вместе со средствами производства, банками, почтой и т. д. также и язык, в мировом масштабе должен одержать победу всемирный пролетарский язык, который и станет господствующим на период мировой диктатуры пролетариата вплоть до превращения его в единственный бесклассовый язык всечеловеческого коммунистического общества. «Революционная антиимпериалистическая риторика, с ее образом пролетариата, не имеющего отечества, – замечает Б. М. Гаспаров, – сыграла роль горячего материала, подброшенного в пылающий костер библейского и евангельского пафоса, с самого начала характеризовавшего и суть идей Марра, и манеру их изложения. Сам Марр заявлял о своем «учении» как о лингвистическом аналоге пролетарской революции с полной недвусмысленностью...» (Гаспаров, 2021, с. 116). Марр был своего рода пролеткультовцем от языкознания, идущим по стопам А. А. Богданова с его убеждением в том, что пролетариат должен создать свою пролетарскую науку, культуру, язык. Как утверждает В. М. Алпатов, «Марр ориентировался на представления именно 20-х годов, когда ждали скорой мировой революции, построение коммунизма казалось делом близкого будущего и многие всерьез надеялись успеть поговорить с пролетариями всех континентов на мировом языке...» (Алпатов, 2010, с. 448). Исходя из этой вполне марксистской перспективы «революции в языке» и рисуя подобные картины, о русском языке ни Марр, ни марристы не думали.

Из принципа классовости языка вытекало положение о том, что национальных, общенародных языков не существует. «...Воочию выступает, что не существует национального, общенационального языка, а есть классовый язык, и языки одного и того же класса различных стран, при идентичности социальной структуры, выявляют больше типологического сродства друг с другом, чем языки различных классов одной и той же страны, одной и той же нации» (Марр, 1936, с. 415). Тезис 57 С. И. Ковалева звучит даже более сильно: «Яфетическая теория отбрасывает само понятие национального, внесловного, внеклассового языка, как понятие ненаучное...» (с. 116). В самом деле, общенародный язык не вписывался, да и не мог вписаться в марристскую концепцию языка. Собственно, именно «вывод» о несуществовании общенародных языков, энергично проводимый сторонниками марризма, и стал главной причиной его разгрома.

Таким образом, труды Марра и произведения марристов были пронизаны риторикой диктатуры пролетариата. Язык, пролетариат, диктатура пролетариата и мировая революция были связаны в марризме в единый идейный узел; народ и общенародный язык отвергались; ни русский язык, ни русский и ни советский народ не занимали сколько-нибудь заметного места в марристской политико-языковедческой концепции и мировидении. Марристы продолжали риторику солидарности рабочего класса всех стран, всерьез принимая положения о пролетариате как о господствующем классе и о пролетарском интернационализме, в официальном советском марксизме превращенные, соответственно, в историческую и риторическую формулы. Марристы не могли принять (хотя, видимо, понимали) то, что «всемирный пролетариат» давно не является центром сталинского квазимарксистского мироздания, что со второй половины 1940-х гг. утверждать что-либо о всемирном языке будущего коммунистического общества, не полагая таковым русский язык, общенародный язык общенародного государства, – значит противопоставлять себя Советскому государству.

Сталинская критика учения Н. Я. Марра: этатизм против космополитизма

Иерархию принципов «яфетического марксизма» и политического мировоззрения Н. Я. Марра можно представить так: пролетариат – государство диктатуры пролетариата – пролетарский язык как революционно преодоленный старый классовый язык, находящийся в стадии революционного формирования. Триединство сталинских политических принципов опирается на народ (создатель и хранитель языка) и выглядит так: советский народ – Советское всенародное государство – русский язык как общенародный язык СССР, в перспективе, – язык социалистического содружества. Для Сталина, утверждает П. Серио, «язык не знает деления на классы, он является инструментом коммуникации, орудием народа-субъекта» (Серио, 2009, с. 120); сам Сталин не может усомниться «в идее существования Единого языка у Единого народа» (с. 123).

Сталин отвергает основные принципы марровской «теории»: на вопросы «Верно ли, что язык есть надстройка над базисом?» и «Верно ли, что язык был всегда и остается классовым, что общего и единого для общества неклассового, общенародного языка не существует?» он дает отрицательный ответ: «Язык порожден не тем или иным базисом... а всем ходом истории общества и истории базисов в течение веков. Он создан не одним каким-нибудь классом, а всем обществом, всеми классами общества, усилиями сотен поколений. Он создан для удовлетворения нужд не одного какого-либо класса, а всего общества, всех классов общества. Именно поэтому он создан, как единый для общества и общий для всех членов общества общенародный язык» (Сталин, 1953, с. 7).

Сталин следует выработанной им этатистской линии, выстраивающей в единый порядок основополагающие принципы государствоцентризма: единое многонациональное Советское государство, единство государства и народа, морально-политическое единство советского народа, единый язык межнационального общения и репрезентации СССР на мировой арене. Общеизвестно

сталинское превознесение Советской державы, русского и советского народа, ярко разворачивающееся в ходе кампании по утверждению принципа советского патриотизма, которая получает начало примерно в середине 1930-х гг. и особое развитие во второй половине 1940-х гг. Роль языка, конкретно русского языка, в этой перспективе огромна. В биполярном мире русский язык перспективно является языком социалистического блока, социалистической цивилизации; языком же противостоящего блока выступает английский (эти два языка в сталинской терминологии являются зональными).

За пять лет до выхода сталинских работ В. В. Виноградов в книге «Великий русский язык» писал: «Создание общего национального языка – важнейший этап в истории каждого народа. Только в таком языке нация получает средства для полного раскрытия своих духовных сил и возможностей и для широкого участия в мировом культурном движении. Только такой язык и может стать основой национальной науки и литературы. Он же содействует сплочению сил народа, укреплению политического могущества нации и росту ее влияния среди других государств» (Виноградов, 1945, с. 9). «У всех народов Советского Союза – общее дело, общие задачи. В новой государственной обстановке русский язык выполняет ответственную миссию идеологического руководителя» (с. 10). В такой постановке об общенародном языке классовость языка немыслима; сложно, пожалуй, написать более анти-марристский текст. Более того, читая эту книгу, как и вышедшую годом ранее брошюру «Величие и мощь русского языка», сложно представить, что учение Марра вообще существовало в то время. Из работы 1944 г.: «Мощь и величие русского языка являются неоспоримым свидетельством великих жизненных сил русского народа, его самобытной национальной культуры и его великой и славной исторической судьбы. Русский язык – это великий язык великого народа» (Виноградов, 1944, с. 9). «Русский язык как язык высокой культуры является идеалом и образцом для языков всех народов СССР» (с. 24). Стоит ли уточнять, что позиция Виноградова стала основанием для атак марристов, в оценках которых такие идеи были выражением великодержавного шовинизма. Впрочем, эти атаки проявились в нападках на самого ученого, тогда как открыто подвергать критике его положения о великом русском языке и народе для марристов было небезопасно.

У марристов с их «пролетарской философией», в их «мире без России, без Латвий»² роль русского языка предстает рядовой, ничем не выдающейся. Находясь в рамках марризма, нельзя вообще говорить о превосходстве («великодержавности») какого-либо конкретного языка: все языки и культуры, независимо от достижений данного народа или народности, равноправны. Известно навязчивое стремление Марра «доказать» чуть ли не определяющую роль чувашского языка в развитии русского языка. Эта тенденция переросла практически в отрицание национальной самобытности России и русской культуры. Начиная по крайней мере с 1943 г. такое отношение не могло не вызывать вопросы в связи с начавшейся кампанией по глорификации русской культуры, науки, истории. Сталин постулировал те самые «идеологические

² Выражение В. В. Маяковского (стихотворение «Товарищу Нетте, пароходу и человеку»).

основания самодержавности русского языка», соответствующие политическим основам нового «сталинского самодержавия», которые Марр с упорством пытался разрушить. Учитывая это, назвать сталинский подход «марксизмом в языкознании» довольно сложно, и тут следует согласиться с В. М. Алпатовым, утверждающим, что «если внимательно проанализировать сочинение Сталина, то приходишь к выводу, который, на первый взгляд, кажется парадоксальным: Сталин, говоря о построении марксистского языкознания, по сути отказывает ему в праве на существование» (Алпатов, 2005, с. 216).

С особенной силой Сталин и вслед за ним критики марризма отвергают тезис о необходимости революционных изменений в русском языке в текущую эпоху, «взрыва», ломки языка, который с необходимостью вытекает из принципа его классовости и отрицания его общенародности. Марр, требуя языковой революции, прямо утверждал, что «тут не о реформе письма или грамматики приходится говорить, а о смене норм языка, переводе его на новые рельсы действительно массовой речи. То, что нужно, это не форма, не реформа или новая декорация старого содержания, а свежий сруб с новой всесоюзной, мировой функцией из нового речевого материала; речевая революция, часть культурной революции, одна из существеннейших ее частей, она же – наиболее показательное свидетельство творящих новый мир масс» (Марр, 1936, с. 375–376). А. М. Деборин писал: «Революция в области социальной и политической сопровождается обычно революционными изменениями и в области языка и мышления. Поскольку каждому общественному классу свойственна особая идеология, особое мировоззрение, эти последние естественно требуют для оформления новых понятий и идей нового языка» (Деборин, 1935, с. 62). Ученый прибегает к понятному доводу в духе 1920-х гг.: «Конечно, каждый общественный класс оформляет соответствующим языком свое мышление... Но дело в том, что часто старое наследство извращает новое мышление, мышление нового общественного класса» (с. 25).

Несмотря на то, что к «взрывным» изменениям жизнь никаких явных знаков не подавала, «революционные» лингвисты и в конце 1940-х гг. не расставались с мечтами о коренном сдвиге в русском языке. Если на смену капиталистической формации пришла социалистическая (т. е. первая в человеческой истории неантагонистическая формация), несомненно, что и язык как часть надстройки необходимым образом должен претерпеть революционные изменения. По Деборину, «в бесклассовом обществе нет классовых языков. Мы находимся на пути создания первого бесклассового языка» (Деборин, 1935, с. 63). По Марру, будущий язык коммунистического общества, в котором «высшая красота сольется с высшим развитием ума» (Марр, 1934, с. 111–112), – это такой язык, перед которым «не устоять никакому языку, даже звуковому, все-таки связанному с нормами природы. И великие, и малые языки одинаково смертны перед мышлением пролетариата, в борьбе выковыивающего бесклассовое общество...» (с. 121). Если суммировать рассуждения Марра, то получается, что речь идет о трансформации самой природы языка, из чего, по логике, должно следовать, что новому уровню языка должна соответствовать и новая природа человека, но так далеко в своих фантазиях ученый все же не заходил.

Известно, что после сталинского выступления 1950 г. Марру и марристам стали инкриминировать умыслы уничтожить *русский язык* как устаревшую

часть надстройки, заменив его неким пролетарским языком. Следует задуматься над следующим: когда сам Марр писал об отмене старой грамматики, о приведении языка в соответствие с «мышлением пролетарских трудящихся масс», сознавал ли он деструктивность таких идей по отношению к народу и государству? Видимо, нет, ибо все эти мысли были частью его мировоззрения, построенного на нигилистическом неприятии русского самодержавного государства, переросшем в ненависть к «господствующим народам» вообще (соответственно, к «господствующим языкам»). Эта черта была помножена на изначальный юношеский нигилизм, стремление противопоставить себя миру. Так, И. И. Мещанинов писал о юном Марре: «Оставаясь в рамках воспитавшей его школы, он в то же время не мирился с ее суженным формализмом и уже закладывал взрывчатый элемент, приведший его самого к разрыву с лингвистическим окружением, на почве которого он же и рос для последующего его же решительного опровержения» (Мещанинов, 1936, с. 8).

В знаменитой работе «Яфетические зори на украинском хуторе» Марр возмущается положением дел, когда «научное мышление лингвистов господствующей школы... доселе заковано в шоры того или иного национального мира (когда речь идет о русском или украинском – миража славянского «братства» и славянского «праязыка»), как изначальной основы в языкотворчестве каждого из входящих в это позднейшее речевое классовое содружество «народов» (Марр, 1935, с. 248). Особого внимания ни русистике, ни славистике Марр не уделял, но, как это видно из цитаты, его отношение к идеям славянского единства, и тем более праязыка, было крайне негативным. Такие идеи стали резко противоречить очень важному направлению сталинской политики послевоенного обустройства мира, отсчет реализации которой правомерно вести с 1942 г., если не раньше. Примерно в то же время получает мощный импульс развитие русистики и славистики: усиливается работа над составлением словарей славянских языков, грамматик, учебников, историй литератур; Сталин начинает говорить о «славянофилах-ленинцах», о «новом славянофильстве», которое не тождественно старому имперскому «великодержавному панславизму», о равенстве славянских народов, о союзе равных славянских государств. В трудах по языкознанию он заострит вопрос о том, что «нельзя отрицать, что языковое родство, например, таких наций, как славянские, не подлежит сомнению, что изучение языкового родства этих наций могло бы принести языкознанию большую пользу в деле изучения законов развития языка» (Сталин, 1953, с. 33–34).

Линия на усиление славяноцентризма, поиски идейного обоснования славянского единства (в том числе языкового) связана с послевоенным конструированием политического устройства блока стран народной демократии (т. е. с консолидацией советского блока) как славянского союза под руководством СССР. Нельзя не отметить, что речь идет именно об импульсе развития славистики: само ее возрождение происходит в довоенное время, когда, по словам М. Ю. Досталь, «угроза и начало Второй мировой войны в 1939 г., вызвавшие настроения всеобщего патриотизма, и соображения о повышении престижа науки, убедили советское руководство в необходимости возрождения этой научной дисциплины в СССР, прежде всего, в ее исторической части, которая в большей мере могла обеспечить идеологические цели

внешней политики и приоритеты внутренней пропаганды...» (Досталь, 2009, с. 10). Институционально эта тенденция выразилась, в частности, в организации в 1944 г. Института русского языка АН СССР, в возрождении в 1947 г. Института славяноведения АН СССР и ряде других мер, направленных на восстановление славистики, фактически разрушенной после репрессий 1930-х гг. и «дела славистов». Однако сложно было представить развитие славистики без того, чтобы препятствие на его пути в виде марризма, в рамках которого славянское единство было немыслимо, не было устранено.

Марристы не могли не чувствовать, что почва уходит из-под их ног, так что вполне возможно, что серия их атак, начиная с 1948 г., вызвана именно этими обстоятельствами. Особенно сильные нападки вызывали идеи прародины славян и праславянского языка (как и схизматизированная ими идея праязыка вообще), которые активно поддерживилась лингвистами из стран народной демократии. Сторонники учения Марра были вынуждены сдерживать свое возмущение, т. к. эти идеи теперь развивались в русле политики славянского единства.

Заключение

Суммируя вышеизложенное, можно сказать, что марризм стал настолько контрастировать с советской идеологией, что вмешательство высшей инстанции стало неизбежным. По этому поводу в современной российской науке имеется *communis opinio doctorum*. В. М. Алпатов заявляет: «Ушли в прошлое мечты о всемирной революции, космические фантазии и идеи о великодержавном шовинизме как главном зле в национальных вопросах, «народность» и «самобытность» из бранных слов превратились в неперменные эпитеты газетных статей. В этих условиях отрицание Марром национальных границ и рамок и особой роли русского языка, полное отвержение старой науки, требование форсировать создание всемирного языка не могли нравиться Сталину» (Алпатов, 2010, с. 464). По словам В. В. Тихонова, «исследователи сходятся в том, что марризм, с его интернационализмом, национальным нигилизмом и классовостью, уже не отвечал новой советской патриотической идеологии. Важнее, как представляется, что в марровской теории слишком акцентировалась классовая сущность языка. Подчеркивалось, что язык различных социальных классов кардинально различается. В послевоенное время наметился курс на построение «общенародного» государства, лозунги классовой борьбы во внутренней политике звучали все глуше» (Тихонов, 2016, с. 287). Но почему же – мы возвращаемся к поставленному в самом начале исследования вопросу – для устранения контраста марризма с идеологией и политикой потребовалось личное участие Сталина? Другими словами, какие скрытые мотивы, не позволившие передоверить разгром марризма своим идеологам или «новым философам» (М. Б. Митин, П. Ф. Юдин, Г. Ф. Александров), двигали им?

«Общенародное государство» – это, говоря словами В. И. Ленина, гвоздь вопроса: это именно то, чему не соответствовали принципы марризма: классовость языков и вытекающее из него отрицание общенародных языков. Но что же означает это «общенародное государство», ведь официально декла-

рируемой сущностью Советского социалистического государства при Сталине не переставала быть диктатура пролетариата (форма – Республика Советов); во всяком случае, утверждение, что диктатура пролетариата выполнила свою историческую миссию и перестала быть необходимой в СССР, было озвучено только в 1961 г. Сталину, по общему признанию историков, была свойственна ясность политических построений, во всяком случае, в области государственной теории и идеологии. Однако формула Конституции СССР «социалистическое государство рабочих и крестьян» не говорит ничего конкретно о сущности государства, позволяя трактовать диктатуру пролетариата и как сущность государства, и как политический режим, не препятствуя также трактовать СССР как всенародное государство (при возможности отождествления трудящихся и народа). Как же тогда получается, что относительно основ устройства Советского государства сталинского периода нет ясного, автоматического ответа: диктатура пролетариата или всенародное государство?

Нетрудно убедиться в том, что термин «общенародное государство» резко контрастирует с отправными марксистскими постулатами: пролетариат, мировая революция и мировое государство диктатуры пролетариата (не говоря уже о расхождении с политической реальностью). «Народ» и «общенародное государство» – эти категории вообще находятся за пределами марксизма и близки к доктрине Ж.-Ж. Руссо с его максимами *peuple souveraine* и *volonté générale*. Уже к началу 1930-х гг., и чем дальше, тем больше, лозунги мировой революции и диктатуры пролетариата переставали удовлетворять потребностям советской идеологии и интересам Советского государства. Пролетарский космополитизм стал мешать развитию советского этатизма. Приближение войны требовало усиления консолидации советского общества; потребности внутреннего развития, индустриализации и экономического роста приводили к осознанию необходимости наращивания внешнеэкономических связей с капиталистическими странами, установлению нормальных отношений с ними. Буржуазные же страны едва ли могли проявлять желание торговать с государством диктатуры пролетариата, имеющим своей официально декларируемой целью стимулирование и поддержку пролетарских революций по всему миру и установление в идеале всемирной диктатуры пролетариата. После того как революционно-пролетарский экстаз 1920-х гг. закончился, стало ясно, что представлять государство как пролетарское, т. е. такое, источником которого был пролетариат, невозможно. Хотя и полностью вывести интернационалистские мотивы также было нельзя, ибо в этом случае исчез бы универсализм советской идеологии. В любом случае источником власти и государства в СССР должен быть народ, т. е. государство должно стать общенародным, и в этом направлении под эгидой Сталина трансформировался марксизм I (Никандров, 2022). Но в одночасье, без подготовки общественно-политической мысли к такому «творческому развитию» сделать это было затруднительно.

Концепт «всенародное государство» впервые появляется в советском политическом дискурсе перед опубликованием проекта Конституции 1936 г. Как представляется, в новом варианте вместо «социалистического государства рабочих и крестьян» должно было фигурировать именно «всенародное государство». В передовой статье «По-большевистски организовать партийную пропаганду», напечатанной в майском номере журнала «Большевик» читаем:

«Страна наша находится накануне принятия новой Конституции всенародного Советского государства». В том же номере А. Я. Вышинский пишет: «Советское государство – всенародное государство» (Вышинский, 1936, с. 22). Из статьи М. Б. Митина в журнале «Под знаменем марксизма»: «Новая Советская конституция... будет первой в мире конституцией социалистического общества, конституцией социалистического, всенародного государства» (Митин, 1936, с. 14). Надо добавить, что перед принятием конституции упорно ходили слухи, что диктатуру пролетариата отменят, а вместо нее будет провозглашено общенародное государство (Лосев, 2002, с. 355, 570).

Поскольку диктатура пролетариата в качестве обозначения сущности социалистического государства не была «дезаурирована», вплоть до 1961 г. она продолжала оставаться в силе, при том что СССР после принятия Конституции 1936 г., не переставая считаться диктатурой пролетариата, в политической литературе стал все чаще именоваться «подлинно народным государством». СССР – социалистическое государство – парадоксальным образом представлялся одновременно и как «подлинно народное государство», и как государство диктатуры пролетариата, например: «Как государство пролетарской диктатуры, Советское государство является подлинно народным государством» (Вышинский, 1949, с. 246). Так длился период «двоевластия»: источником власти и государства объявлялся советский народ, но пролетариат («рабочий класс СССР») продолжал до 1961 г. исполнять обязанности диктатора – временного властителя. Неопределенность важнейших политических текстов в этом отношении только усугубляла амбивалентность ситуации.

Идеи Марра о классовости языка были отброшены Сталиным не из-за их несоответствия принципам языкознания и даже не по причине их расхождения с марксизмом (которое не несомненно), но из-за их резкого контраста с государственной политикой Советского Союза, в области внутренней политики направленной на утверждение единства советского народа, а в области внешней – на единение социалистического содружества, построение социалистического блока (полюса) в складывающемся биполярном мире. Исходя из этого, нетрудно понять, почему учение Марра не сразу стало предметом критики, почему оно долгое время считалось вполне корректным марксизмом в языкознании: Сталин не решался, да и не решился в рамках государственной теории прямо объявить народ источником государства и права (ни в 1936 г., ни в 1947 г. всенародное государство не было провозглашено). Всенародное государство утверждалось как бы «окольными» путями: подчеркиванием общенародности языка, прославлением великого русского и советского народа, усилением риторики демократизма советского общества и т. д. Советский марксизм с начала 1930-х гг. наполнялся концептами, серьезно контрастирующими с марксизмом I: «бесклассовое социалистическое общество», «дружественные классы», «всенародное государство», «подлинно народное государство». Не говоря уже о тезисе построения коммунизма в одной стране при сохранении капиталистического окружения. Если не замечать за всем этим сталинскую логику государствоцентризма, то остается много неясных моментов; неясность же в государственно-теоретических вопросах порождала путаницу во всей общественно-политической теории, частью которой было и языкознание.

Целью сталинской дискуссии по языкознанию, исходя из всего сказанного, была подготовка советского общественного мнения, идеологов и теоретиков советского марксизма к новому повороту в области «государственного марксизма», к новому этапу его «творческого развития»: внедрению концепта всенародного (общенародного) государства, подача его как развитие марксистско-ленинской теории. Таким образом, помимо причин, связанных с несоответствием марксизма ряду важнейших направлений и установок советской политики, «новое учение о языке» было выключено из языкознания и тем самым из советской общественно-политической науки также и по причинам фундаментально-теоретического порядка, т. е. из-за несоответствия основным параметрам оформившегося к концу 1940-х гг. сталинского марксизма II, или «государственного марксизма».

Список литературы

1. Алпатов, В. М. (2005). *Волошинов, Бахтин и лингвистика*. М.: Языки славянских культур.
2. Алпатов, В. М. (2010). Марр, марризм и сталинизм. В С. С. Неретина, А. П. Огурцов (Ред.), *Подвластная наука? Наука и советская власть* (с. 441–467). М.: Голос.
3. Алпатов, В. М. (2018). *История одного мифа: Марр и марризм*. М.: УРСС.
4. Бернштейн, С. Б. (2002). *Зигзаги памяти: Воспоминания. Дневниковые записи*. М.: Институт славяноведения РАН.
5. Биbihин, В. В. (2006). *Алексей Федорович Лосев. Сергей Сергеевич Аверинцев*. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы.
6. Виноградов, В. В. (1944). *Величие и мощь русского языка*. М.: Правда.
7. Виноградов, В. В. (1945). *Великий русский язык*. М.: ОГИЗ.
8. Виноградов, В. В. (1950). Свободная дискуссия в «Правде» по вопросам языкознания и ее значение для дальнейшего развития советской науке о языке. В В. В. Виноградов (Ред.), *Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина* (с. 5–31). М.: Издательство Московского университета.
9. Волошина, О. А. (2017). «Яфетические переживания» Н. Я. Марра. *Stephanos*, (5), 29–41.
10. Вышинский, А. Я. (1936). Советский суд и советская демократия. *Большевик*, (10), 22–35.
11. Вышинский, А. Я. (1949). *Вопросы теории государства и права*. М.: Госюриздат.
12. Гаспаров, Б. М. (2021). Марр и Соссюр: сто лет спустя. *Вопросы языкознания*, (1), 104–120. <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2021.1.104-120>
13. Деборин, А. М. (1935). *Новое учение о языке и диалектический материализм*. М.; Л.: АН СССР.
14. Досталь, М. Ю. (2009). *Как Феникс из пепла... (Отечественное славяноведение в период Второй мировой войны и первые послевоенные годы)*. М.: Индрик.

15. Дружинин, П. А. (2017). Последствия сессии ВАСХНИЛ для филологической науки (Секретная докладная записка ленинградских лингвистов в ЦК ВКП(б)). *Литературный факт*, (3), 307–354. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2017-3-307-354>
16. Емельянов, Ю. В. (2003). *Сталин. На вершине власти*. М.: Вече.
17. Илизаров, Б. С. (2012). *Почетный академик Сталин и академик Марр*. М.: Вече.
18. Кузнецов, П. С. (2003). Воспоминания. *Московский лингвистический журнал*, 7(1), 155–250.
19. Лосев, А. Ф. (2002). *«Я сослан в XX век...»* (Т. 1). М.: Время.
20. Марр, Н. Я. (1934). *Избранные работы. Т. 3: Язык и общество*. М.; Л.: АН СССР.
21. Марр, Н. Я. (1935). *Избранные работы. Т. 5: Этно- и глоттогония Восточной Европы*. М.; Л.: АН СССР.
22. Марр, Н. Я. (1936). *Избранные работы. Т. 2: Основные вопросы языкознания*. М.; Л.: АН СССР.
23. Мещанинов, И. И. (1936). *Новое учение о языке*. Л.: ОГИЗ.
24. Митин, М. Б. (1936). О ликвидации классов в СССР и о социалистическом, всенародном государстве. *Под знаменем марксизма*, (5), 1–19.
25. Никандров, А. В. (2022). Развитие концепции Советского государства в 1930-е гг.: коррекция марксизма или новая теория государства? *Государство и право*, (7), 110–121. <https://doi.org/10.31857/S102694520021131-5>
26. Робинсон, М. А. (2004). *Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х годов)*. М.: Индрик.
27. Серию, П. (2009). От любви к языку до смерти языка. *Политическая лингвистика*, (1), 118–123.
28. Сталин, И. В. (1953). *Марксизм и вопросы языкознания*. М.: Госполитиздат.
29. Сухотин, В. П. (1951). Критика «учения» Н. Я. Марра о «классовости» языка. В В. В. Виноградов (Ред.), *Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании* (Ч. 1, с. 14–25). М.: АН СССР.
30. Тихонов, В. В. (2016). *Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х – 1953 г.)*. М.; СПб.: Нестор-История.
31. Трушков, В. В. (2011). Контексты и подтексты сталинской работы (размышления о брошюре «Марксизм и вопросы языкознания»). *Евразийский форум*, (1), 43–52.
32. Цукерман, И. И. (1950). *Крупнейший советский языковед Н. Я. Марр*. М.: АН СССР.
33. Чикобава, А. С. (1950). Учение И. В. Сталина о языке, как общественном явлении. В В. В. Виноградов (Ред.), *Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина* (с. 32–51). М.: Издательство Московского университета.
34. Чикобава, А. С. (2001). Как и когда это было. В В. П. Нерознак (Ред.), *Сумерки лингвистики. Из истории отечественного языкознания. Антология* (с. 507–512). М.: Academia.

References

1. Alpatov, V.M. (2005). *Voloshinov, Bakhtin i lingvistika* [Voloshinov, Bakhtin and linguistics]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur.
2. Alpatov, V.M. (2010). Marr, marrizm i stalinizm [Marr, Marrism and Stalinism]. In S.S Neretina & A.P. Ogurtsov (Eds.), *Podvlastnaya nauka? Nauka i sovetskaya vlast'* (pp. 441–467). Moscow: Golos.
3. Alpatov, V.M. (2018). *Istoriya odnogo mifa: Marr i marrizm* [A story of one myth: Marr and Marrism]. Moscow: URSS.
4. Bernshtein, S.B. (2002). *Zigzagi pamyati: Vospominaniya. Dnevnikovye zapisi* [Zigzags of memory: Memories. Diary entries]. Moscow: Institut slavyanovedeniya RAN.
5. Bibikhin, V.V. (2006). *Aleksei Fedorovich Losev. Sergei Sergeevich Averintsev* [Alexey Losev. Sergey Averintsev]. Moscow: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy.
6. Chikobava, A.S. (1950). Uchenie I.V. Stalina o yazyke, kak obschestvennom yavlenii [Joseph Stalin's theory about language as a social phenomenon]. In V.V. Vinogradov (Ed.), *Voprosy yazykoznaniiya v svete trudov I.V. Stalina* (pp. 32–51). Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.
7. Chikobava, A.S. (2001). Kak i kogda eto bylo [How and when was it]. In V.P. Neroznak (Ed.), *Sumerki lingvistiki. Iz isrorii otechestvennogo yazykoznaniiya* (pp. 507–512). Moscow: Academia.
8. Deborin, A.M. (1935). *Novoe uchenie o yazyke i dialekticheskiiy materialism* [The new doctrine of language and dialectical materialism]. Moscow & Leningrad: AN SSSR.
9. Dostal, M. Yu. (2009). *Kak Feniks iz pepla... (Otechestvennoe slavyanovedenie v period Vtoroi mirovoi voiny i pervye poslevoennyye gody)* [Like a Phoenix from the ashes... (Russian Slavic studies during the World War II and the first post-war years)]. Moscow: Indrik.
10. Druzhinin, P.A. (2017). Posledstviya sessii VASKhNIL dlya filologicheskoi nauki (Sekretnaya dokladnaya zapiska leningradskikh lingvistov v TsK VKP (b)) [All-Union Academy of Agricultural Sciences Session and the Soviet Philology (Secret Memorandum to the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks by a Group of Leningrad Linguists)]. *Literaturnyi fakt*, (3), 307–354. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2017-3-307-354>
11. Emelyanov, Yu. V. (2003). *Stalin. Na vershine vlasti* [Stalin. At the pinnacle of power]. Moscow: Veche.
12. Gasparov, B.M. (2021). Marr i Sossyur: sto let spustya [Marr and Saussure: A hundred years later]. *Voprosy Jazykoznanija*, (1), 104–120. <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2021.1.104-120>
13. Ilizarov, B.S. (2012). *Pochetnyi akademik Stalin i akademik Marr* [The honorary academician Stalin and academician Marr]. Moscow: Veche.
14. Kuznetsov, P.S. (2003). Vospominaniya [Memoirs]. *Moskovskiy lingvisticheskiy zhurnal*, 7(1), 155–250.
15. Losev, A.F. (2002). “Ya soslan v XX vek...” [“I was exiled to the 20th century...”] (Vol. 1). Moscow: Vremya.

16. Marr, N. Ya. (1934). *Izbrannye raboty. T. 3: Yazyk i obschestvo* [Selected works. Vol. 3: Language and society]. Moscow & Leningrad: AN SSSR.
17. Marr, N. Ya. (1935). *Izbrannye raboty. T. 5: Etno- i glottogoniya Vostochnoi Evropy* [Selected works. Vol. 5: Ethnogenesis and glottogonia of Eastern Europe]. Moscow & Leningrad: AN SSSR.
18. Marr, N. Ya. (1936). *Izbrannye raboty. T. 2: Osnovnye voprosy yazykoznaniya* [Selected works. Vol. 2: Basic questions of linguistics]. Moscow & Leningrad: AN SSSR.
19. Meschaninov, I. I. (1936). *Novoe uchenie o yazyke* [New doctrine of language]. Leningrad: OGIZ.
20. Mitin, M. B. (1936). O likvidatsii klassov v SSSR i o sotsialisticheskom, vsenarodnom gosudarstve [On the liquidation of classes in the USSR and on the socialist state of the whole people]. *Pod znamenem marksizma*, (5), 1–19.
21. Nikandrov, A. V. (2022). Razvitie kontseptsii Sovetskogo gosudarstva v 1930-e gg.: korrektsiya marksizma ili novaya teoriya gosudarstva? [Evolution of the conception of the Soviet state in the 1930s: Improvement of Marxism or a new theory of the State]. *Gosudarstvo i pravo*, (7), 110–121. <https://doi.org/10.31857/S102694520021131-5>
22. Robinson, M. A. (2004). *Sud'by akademicheskoi elity: otechestvennoe slavyanovedenie (1917 – nachalo 1930-kh godov)* [The fate of the academic elite: Russian Slavic studies (1917 – the beginning of 1930s)]. Moscow: Indrik.
23. Seriot, P. (2009). Ot lubvi k yazyku do smerti yazyka [From the love of the language to the death of the language]. *Politicheskaya lingvistika*, (1), 118–123.
24. Stalin, J. V. (1953). *Marksizm i voprosy yazykoznaniya* [Marxism and problems of linguistics]. Moscow: Gospolitizdat.
25. Sukhotin, V. P. (1951). Kritika “ucheniya” N. Ya. Marra o “klassovosti” yazyka [Criticism of Nikolai Marr’s “doctrine” of the “class” character of language]. In V. V. Vinogradov (Ed.), *Protiv vulgarizatsii i izvrascheniya marksizma v yazykoznanii* (Part 1, pp. 14–25). Moscow: AN SSSR.
26. Tikhonov, V. V. (2016). *Ideologicheskie kampanii “pozdnego stalinizma” i sovetская istoricheskaya nauka (seredina 1940-kh – 1953 g.)* [Ideological campaigns of “late Stalinism” and Soviet historical science (mid 1940s – 1953)]. Moscow & Saint Petersburg: Nestor-Istoriya.
27. Trushkov, V. V. (2011). Konteksty i podteksty stalinskoi raboty (razmyshleniya o broshure “Marksizm i voprosy yazykoznaniya”) [Contexts and subtexts of Stalin’s work “Marxism and problems of linguistics”]. *Evraziyskiy forum*, (1), 43–52.
28. Tsukerman, I. I. (1950). *Krupneishiy sovetskiy yazykoved N. Ya. Marr* [The distinguished Soviet linguist Nikolai Marr]. Moscow: AN SSSR.
29. Vinogradov, V. V. (1944). *Velichie i mosch' russkogo yazyka* [The greatness and might of the Russian language]. Moscow: Pravda.
30. Vinogradov, V. V. (1945). *Velikiy russkiy yazyk* [Great Russian language]. Moscow: OGIZ.
31. Vinogradov, V. V. (1950). Svobodnaya diskussiya v “Pravde” po voprosam yazykoznaniya i eye znachenie dlya dal'neishego razvitiya sovetской nauki o yazyke [Free discussion on linguistics in “Pravda” and its significance for the further development of Soviet language science]. In V. V. Vinogradov (Ed.),

Voprosy yazykoznaniya v svete trudov I. V. Stalina (pp. 5–31). Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.

32. Voloshina, O. A. (2017). “Yafeticheskie perezhivaniya” N. Ya. Marra [“Japhetic experiences” of Nikolai Marr]. *Stephanos*, (5), 29–41.

33. Vyshinsky, A. Ya. (1936). Sovetskiy sud i sovetskaya demokratiya [Soviet court and Soviet democracy]. *Bol'shevik*, (10), 22–35.

34. Vyshinsky, A. Ya. (1949). *Voprosy teorii gosudarstva i prava* [Issues of the theory of the state and law]. Moscow: Gosjurizdat.

Информация об авторе

Алексей Всеволодович Никандров, кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия. ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-8885-2752>, e-mail: bobbio71@mail.ru

Information about the author

Aleksey Vsevolodovich Nikandrov, Candidate of Political Sciences, Senior Researcher, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-8885-2752>, e-mail: bobbio71@mail.ru